

Религиозный «смысл любви» в житнетворчестве А.А. Блока 1900-х гг.

Ольга А. Богданова

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия, olgabogda@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется религиозная субъектность А.А. Блока 1900-х гг. как представителя «мифопоэтического символизма» в аспекте его отношения к половой любви. Указаны источники «эротической утопии» Блока: учение об «истинной любви» В.С. Соловьева, концепция «христианской влюбленности» З.Н. Гиппиус, ницшеанский миф об Аполлоне и Дионисе в его солярно-лунарной модификации. В их свете рассмотрены сборники «Стихи о Прекрасной Даме», «Нечаянная радость», «Земля в снегу», привлечены эго-документы. Сделан вывод о многозначности понятия «влюбленность» в творчестве Блока и о его противопоставленности «вести о Любви» по Соловьеву.

Ключевые слова: А.А. Блок, В.С. Соловьев, З.Н. Гиппиус, «истинная любовь», мистический брак, «эротическая утопия», «влюбленность»

Для цитирования: Богданова О.А. Религиозный «смысл любви» в житнетворчестве А.А. Блока 1900-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 3. Ч. 3. С. 347–356. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-347-356

The religious “Meaning of Love” in the life-making of A.A. Blok of the 1900s

Ol'ga A. Bogdanova

*RAS A.M. Gorky Institute of World Literature,
St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
Moscow, Russia, olgabogda@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the religious subjectivity of A.A. Blok of the 1900s as a representative of “mythopoetic symbolism” in the aspect of his attitude to sexual love. The sources of Blok’s “erotic utopia” are indicated: the

doctrine of “true love” by V.S. Solovyov, the concept of “Christian falling in love” by Z.N. Gippius, the Nietzschean myth of Apollo and Dionysus in its solar-lunar modification. In their light, the collections “Poems about a Beautiful Lady”, “Unexpected Joy”, “Earth in the Snow” are considered, some ego-documents are involved. The conclusion is made about the ambiguity of the concept of “falling in love” in the work of Blok and about its opposition to the “message of Love” by Solovyov.

Keywords: A.A. Blok, V.S. Solovyov, Z.N. Gippius, “true love”, “mystical marriage”, “erotic utopia”, “falling in love”

For citation: Bogdanova, O.A. (2023), “The Religious ‘meaning of love’ in the Life-making of A.A. Blok of the 1900s”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 3, part 3, pp. 347–356, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-347-356

Задача статьи – анализ религиозной субъектности А.А. Блока как представителя «младшего», мифопоэтического, по классификации А. Ханзен-Лёве [Ханзен-Лёве 2003], символизма с его отчетливыми религиозными интенциями. Тема статьи – воссоздание контекста функционирования в русском символизме так называемой «эротической утопии» [Матич 2008], важной частью которой в 1900-е гг. было житнетворчество Блока.

Для эпохи Серебряного века в России характерно слияние жизненно-биографических и литературно-творческих практик, в том числе в сфере любовных взаимоотношений. Вдохновлялись они в первую очередь учением В.С. Соловьева о Софии и «смысле любви», имевшем религиозную устремленность. Как отмечает М.Л. Спивак,

...соловьевский культ Вечной Женственности, уже сам по себе предполагающий смешение духовного экстаза с экстазом эротическим... был унаследован и развит поколением младосимволистов. А. Белый, А. Блок, С. Соловьев, В. Иванов на разные лады переживали и перепевали любовь к Подруге Вечной или Прекрасной Даме, к Жене, облеченной в Солнце или же окутанной «голубым покровом».

В реальной жизни

Блок и Иванов предпочитали «мистически влюбляться» в знакомых женщин, в конечном счете – в своих собственных жен [Спивак 2004, с. 208–209].

По мысли З.Г. Минц, символисты строили единый «миф о мире» из элементов как традиционных архаических мифов, так и неомифов, создавая «универсальный Текст», «отражающий мифологическую природу мира», который распадался на изоморфные «тексты жизни» и «тексты искусства» [Минц 2004, с. 97–98]. Для Блока 1900-х гг. наиболее актуальными были ницшеанский миф об Аполлоне и Дионисе в его солярно-лунарной модификации, миф о Софии как Вечной Женственности В.С. Соловьева и миф о христианской влюбленности Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус.

Источник первого из названных мифов – философское эссе Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (1872), где противопоставлены два мировых начала, персонифицированных в древнегреческих богах Аполлоне как воплощении солнца, дневного света, ясности, рациональности и Дионисе как воплощении ночи, луны, темной глубины бытия, его трагической тайны, стихийности, гибельности. Солярно-лунарная мифология в символизме 1900-х гг. подробно классифицирована [Ханзен-Лёве 2003, с. 136–232], однако концептуально исследована лишь применительно к отдельным авторам. В частности, Д.М. Магомедова устанавливает, что в центре «Стихов о Прекрасной Даме» Блока находится «многозначный символ Луны и связанные с ним комплексы мифологических представлений» [Магомедова 1997, с. 22], с которыми поэт мог познакомиться по статье Ф.Ф. Зелинского «Елена Прекрасная» (Вопросы жизни. 1905. № 7). Из статьи следовало, что в античности мифы о Софии, луне и земле переплетались в «многослойности смыслов и прочтений» [Магомедова 1997, с. 23–24], являя собой бесконечное мерцание символов.

Известно, что начиная с 1901 г. «все... существом» Блока «овладела поэзия Владимира Соловьева», а также «громадность [его] философии»¹, под непосредственным влиянием которых была написана первая поэтическая книга «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). Цикл статей Соловьева «Смысл любви» (1892–1894)

...младшие символисты воспринимали как важнейший программный текст. <...> Тема любви как мистического служения, воплощенная в сонетах Данте и Петрарки, возникла для русской поэзии лишь на рубеже XIX–XX вв., сначала – в творчестве Вл. Соловьева, затем – в стихах младших символистов, среди которых Блок был... самым глубоким и последовательным адептом этого направления [Магомедова 1997, с. 14, 17].

¹ Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. С. 13, 37.

Остановимся на основных положениях соловьевского «Смысла любви». Во-первых, здесь опровергается взгляд, что задачей любви между мужчиной и женщиной является продолжение рода. Половая любовь, по убеждению автора, «есть самостоятельное благо, <...> имеет собственную безотносительную ценность для нашей личной жизни»², которая заключается в способности человека, оставаясь самим собой, «вместить абсолютное содержание, стать абсолютною личностью», что «на религиозном языке называется вечной жизнью или царствием Божиим»³. Противопоставляя «ложные» представления о любви (чисто спиритуалистическое и сугубо материалистическое) любви «истинной», Соловьев провозглашает, что последняя «избавляет нас от неизбежности смерти и наполняет абсолютным содержанием нашу жизнь»⁴. В более позднем трактате «Оправдание добра» (1897) Соловьев представил концепцию духовного брака, который «соединяет человека с Богом». Причем в «истинном браке естественная половая связь не уничтожается, а пресуществляется», чему служат «плотское влечение» и «влюбленность». Деторождение «в совершенном браке» явление «ненужное и невозможное»⁵. Брачная «влюбленность», по Соловьеву, основана на эротическом влечении, но не предполагает «грубой» физиологии.

На практике соловьевская концепция «истинной любви» была развита в экспериментальной семье-коммуне Мережковских [Павлова 2004] и обоснована в статьях Мережковского «Новый Вавилон» и Гиппиус «Влюбленность» (Новый путь. 1904. № 3). Надо отметить, что Блок с 1903 г. был постоянным автором этого журнала, а также частым гостем в петербургском салоне Мережковских в доме Мурузи. В полемике с В.В. Розановым, считавшим детородный брак чуть ли не единственной манифестацией пола, Мережковский явно исходил из положений Соловьева, при этом конкретизируя их религиозную интенцию и формулируя практическую цель – найти «тайну совмещения пола с евангельским учением». Гиппиус же вслед за мужем разъясняла, как это совмещение может реализоваться в особом состоянии «*христианской влюбленности*»⁶ между полами, в котором «плоть не отвергается,

² Соловьев В.С. Красота как преображающая сила. М.: РИПОЛ классик, 2017. С. 138.

³ Там же. С. 158.

⁴ Там же. С. 171.

⁵ Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 75.

⁶ Здесь и далее в цитатах курсив принадлежит их авторам.

не угнетается... ибо она уже воспринята как плоть, которую освятил Христос»⁷.

Для Блока смежность мифологии и религии обнаруживается уже в дневниках 1901–1902 гг.: «мифология... есть середина... между землей (эстетика и этика) и небом (религия)», повествуя «о тайном сочетании здешнего и нездешнего, земного и небесного... Через нее очищается *здешнее*... <...> *Иное* через нее сходит сюда... определение **МИФОЛОГИИ** будет двойственно. ...она – вечный полет и вечное возвращение»⁸. По наблюдению И.С. Приходько, «ранние представления Блока о Боге... связаны с размышлениями о женственном начале мира и мистической любви, об искусстве и художнике» [Приходько 1994, с. 104]. Блок замечает, что «точки соприкосновения “глубинной” религии с “глубинным” искусством неисчислимы»⁹. Кроме того, он признает собственную предрасположенность к сближению искусства и религии: «Да неужели же и я подхожу к отрицанию чистоты искусства, к неумолимому его переходу в религию. Эту склонность ощущал я (только не мог формулировать), а Бугаев¹⁰ и Д. Мережковский и З. Гиппиус вскрыли давно...»¹¹ Появившиеся позднее «отдельные высказывания Блока, вырванные из контекста эпохи... духовного развития самого поэта и... переписки в целом, не дают оснований судить... о его отношении к Христу и христианству» [Приходько 1994, с. 105]. Поэтому «невозможно исключить его из этой... традиции духовной культуры Европы и России» [Приходько 1999, с. 42]. Очевидно, что литературное мифотворчество Блока имеет религиозную природу.

По наблюдению Е.В. Глуховой, в раннем и наиболее аутентичном варианте воспоминаний о шахматовском лете 1904 г. Андрей Белый

...наделяет Блока фольклорными чертами Ивана-Царевича, идеального поэта-символиста на лоне природы, а его жену – метафорической образностью, берущей начало в блоковской лирике, – она Царевна, одно из воплощений Софии – Премудрости Божией [Глухова 2020, с. 62].

⁷ Крайний А. [Гиппиус З.Н.]. Влюбленность // Новый путь. 1904. № 3. С. 183, 185.

⁸ Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. С. 49–50.

⁹ Там же. С. 28.

¹⁰ Настоящая фамилия Андрея Белого.

¹¹ Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. С. 44–45.

Трансформация софийного соловьевского мифа, воплощенно-го в мистическом браке Блока с Л.Д. Менделеевой в 1903–1904 гг., в «ночную» влюбленность произведений последующих лет, во многом уже была предопределена дуализмом героини «Стихов о Прекрасной Даме», обусловленном дихотомией солярно-лунарного мифа (см.: [Магомедова 1997, с. 23]) и отмеченной самим поэтом двойственностью мифологии. Кроме того, попытка «блоковцев» (самого поэта, его жены, А. Белого и С.М. Соловьева) летом 1904 г. в Шахматове «воплотить сизигический»¹² союз по Соловьеву, основанный на целомудренном эротическом подтексте внутри любовного треугольника, обернулась катастрофой» [Матич 2008, с. 110]: адюльтером Любови Дмитриевны с Белым, вызовом на дуэль, распадом жизнетворческого проекта.

Понятие «влюбленность» появляется в текстах Блока начиная с 1904–1905 гг., что свидетельствует в пользу преимущественного влияния Гиппиус. Действительно, «влюбленность» у него не бесплотна, но и не страстно-физиологична, в соответствии с учением Мережковских; однако при этом она связана со стихией ночи, мистики, соприкасается с потусторонним миром, со смертью, что сближает ее с дионисийско-лунарным аспектом указанного выше неомифа.

В комментарии ко 2-му тому Полного собрания сочинений Блока в 20 т. отмечено, что «влюбленность» – образ, широко представленный в творчестве Блока 1904–1906 гг.: это и стихотворение «Влюбленность» (1905) во втором сборнике стихов «Нечаянная радость» (1907), и образ «третьей пары влюбленных» в драме «Балаганчик» (1906), а также раскрытие понимания «влюбленности» в статье «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» (1906)¹³. Так, в стихотворении 1905 г. «воздушной Влюбленности хмель» свидетельствует о дионисийских коннотациях, и в то же время, в отличие от концепции Гиппиус, «влюбленность» здесь уже не мост между землей и небом, но становится исключительной принадлежностью неба: «...в воздушный покров улетела на зов / Навсегда...»¹⁴. В указанной статье 1906 г. «влюбленность» ассоциируется с давно утраченной христианской духовностью Запада, ставшего «грандиозным кабаком современной европейской культуры»¹⁵.

¹² Сизигия – вершина половой любви у В.С. Соловьева в софийном, преображенном состоянии человечества [Козырев 1995].

¹³ См.: Блок А.А. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2. М.: Наука, 1997. С. 800.

¹⁴ Там же. С. 54–55.

¹⁵ Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. С. 89.

Под знаком «ночной» «влюбленности» написан третий сборник стихов Блока «Земля в снегу» (1908). В автобиографическом по замыслу стихотворении «Зачатый в ночь, я в ночь рожден...» (1907) «влюбленность» – атрибут «темного склепа» земной жизни¹⁶. В одноименном стихотворении «Влюбленность» (1907) из цикла «Снежная маска» это чувство означает «сладкий сумрак, «ночную бессонность» и соприкосновение с опасными тайнами потустороннего мира¹⁷. Вся же композиция «Земли в снегу» демонстрирует «движение лирического “я” от высокой влюбленности в “Подругу” (раздел “Подруга Светлая”) к демоническим страстям завершившей сборник “Снежной Маски”»¹⁸.

В то же время в предисловии к «Земле в снегу» поэт соотносит «влюбленность» с «восторгами мира», т. е. с чисто земной, сугубо человеческой сферой, когда «огромный факел влюбленной души» светит «в потемках» скудной обыденности, блуждая в поисках некой «изначальной родины»¹⁹. Таким образом, «влюбленность» третьей книги стихов противопоставлена мистической «вести о Любви»²⁰ в первом поэтическом сборнике «Стихи о Прекрасной Даме».

В письмах к Н.Н. Скворцовой от 15 и 16 ноября 1911 г. Блок разъясняет: «влюбленность – ночное», она «не унижает, но может уничтожить», прямо противопоставляя ее «любви», которая «освобождает» человека от власти земного начала²¹. В дневниковой записи от 11 сентября (29 августа) 1918 г., ретроспективно осмысляя взаимоотношения с Л.Д. Менделеевой в 1901 г., поэт различает свою «человеческую влюбленность» в нее и «*торжество пророчественное*» в их общении²², а в записи от 30 (17) августа 1918 г. восстанавливает динамику своего восприятия невесты: «“влюбленность” стала меньше призвания более высокого»²³, т. е. понятой по-соловьевски «истинной любви»²⁴.

Таким образом, концепт «влюбленность» имел для Блока более широкое и разнонаправленное религиозное содержание, чем для Гиппиус: наряду с восхождением к солнечно-небесному Христу,

¹⁶ Блок А.А. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2. С. 92.

¹⁷ Там же. С. 153.

¹⁸ Там же. С. 550.

¹⁹ Там же. С. 216–218.

²⁰ Блок А.А. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 1. М.: Наука, 1997. С. 101.

²¹ Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. С. 90–91.

²² Там же. С. 348.

²³ Там же. С. 344.

²⁴ Соловьев В.С. Красота как преображающая сила. С. 187–188.

это и «ночное» приобщение к дионисийской глубине мира, и чисто земное человеческое чувство, и опасность срыва в темноту страстной демонической гибели.

Благодарности

Исследование подготовлено в рамках проекта «Религиозный субъект эпохи модерна и его рефлексивные практики в русской культуре конца XIX – первой половины XX века» при поддержке ПСТГУ и Фонда развития науки, образования и семьи «Живая традиция».

Acknowledgements

The study was prepared within the framework of the project “The religious subject of the Modern era and its reflexive practices in Russian culture of the late 19th – first half of the 20th century” with the support of the STOUN and the Foundation for the Development of Science, Education and Family “Living Tradition”.

Литература

- Глухова 2020 – Глухова Е.В. «Усадбный топос» русского символизма в эго-документальной прозе Андрея Белого // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: Коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 48–66 (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 3).
- Козырев 1995 – Козырев А.П. Смысл любви Владимира Соловьева и гностические параллели // Вопросы философии. 1995. № 7. С. 59–78.
- Крайний 1904 – Крайний А. [Гиппиус З.Н.]. Влюбленность // Новый путь. 1904. № 3. С. 180–192.
- Магомедова 1997 – Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока. М.: Мартин, 1997. 224 с.
- Матич 2008 – Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 400 с.
- Минц 2004 – Минц З.Г. Понятие текста и символистская эстетика // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. С. 97–102.
- Павлова 2004 – Павлова М.М. Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: из дневников Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов. Вступительная статья // Эротизм без берегов: Сб. ст. и материалов / Сост. М.М. Павлова. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 391–406.

- Приходько 1994 – *Приходько И.С.* Мифопоэтика А. Блока (историко-культурный и мифологический комментарий к драмам и поэмам). Владимир: ВГПУ, 1994. 134 с.
- Приходько 1999 – *Приходько И.С.* Александр Блок и русский символизм: Мифопоэтический аспект. Владимир: ВГПУ, 1999. 80 с.
- Спивак 2004 – *Спивак М.Л.* Андрей Белый, семь его возлюбленных и одна мать // Эротизм без берегов: Сб. ст. и материалов / Сост. М.М. Павлова. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 208–241.
- Ханзен-Лёве 2003 – *Ханзен-Лёве А.* Русский символизм: Система поэтических мотивов: Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика / Пер. с нем. М.Ю. Некрасова. СПб.: Академический проект, 2003. 813 с.

References

- Glukhova, E.V. (2020), “The Estate topos’ of Russian Symbolism in Andrei Bely’s Ego-documentary Prose”, *Fenomen russkoi literaturnoi usad’by: ot Chekhova do Sorokina+: Kollektivnaya monografiya* [The Phenomenon of the Russian Literary Estate. From Chekhov to Sorokin. Collective monograph], IMLI RAS, Moscow, Russia, pp. 48–66 (“Russian estate in a global context” Series, iss. 3)
- Kozyrev, A.P. (1995), “The meaning of Vladimir Solovyov’s love and Gnostic parallels”, *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 59–78.
- Magomedova, D.M. (1997), *Avtobiograficheskiy mif v tvorchestve Aleksandra Bloka* [Autobiographical myth in the works of Alexander Blok], Martin, Moscow, Russia.
- Matich, O. (2008), *Eroticheskaya utopiya: Novoe religioznoe soznanie i fin de siècle v Rossii* [Erotic Utopia, New Religious Consciousness and Fin de siècle in Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Mints, Z.G. (2004), “The concept of text and symbolist aesthetics”, *Mints Z.G. Poetika russkogo simvolizma*, Iskustvo-SPB, Saint Petersburg, Russia, pp. 97–102.
- Pavlova, M.M. (2004), “Stories of ‘new’ Christian love. The erotic experiment of the Merezhkovskys in the light of the ‘Main Thing’. From the diaries of T.N. Gippius 1906–1908. Introductory article”, Pavlova, M.M. (compiler), *Erotizm bez beregov: Sbornik statei i materialov* [Eroticism without shores. Collection of articles and materials], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 391–406.
- Prikhod’ko, I.S. (1994), *Mifopoetika A. Bloka (istoriko-kul’turnyi i mifologicheskii kommentarii k dramam i poemam)* [A. Blok’s Mythopoetics (historical, cultural and mythological commentary on dramas and poems)], VGPU, Vladimir, Russia.
- Prikhod’ko, I.S. (1999), *Aleksandr Blok i russkii simvolizm: mifopoeticheskii aspekt* [Alexander Blok and Russian Symbolism. Mythopoetic aspect], VGPU, Vladimir, Russia.
- Spivak, M.L. (2004), “Andrey Bely, his seven lovers and one mother”, Pavlova, M.M. (compiler), *Erotizm bez beregov: Sbornik statei i materialov* [Eroticism without shores. Collection of articles and materials], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 208–241.

Hansen-Löve, A. (2003), *Russkii simbolizm: Sistema poeticheskikh motivov: Mifopoeticheskii simbolizm nachala veka. Kosmicheskaya simbolika* [Russian Symbolism: A system of poetic motifs. Mythopoetic symbolism of the beginning of the century. Cosmic symbolism], Nekrasov, M.Yu. (transl.), Akademicheskii proekt, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Ольга А. Богданова, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, д. 25а;

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия; 115184, ул. Новокузнецкая, д. 23Б; olgabogda@yandex.ru

Information about the author

Ol'ga A. Bogdanova, Dr. of Sci. (Philology), RAS A.M. Gorky Institute of World Literature, Moscow, Russia; bld. 25a, Povarskaya Street, Moscow, Russia, 121069;

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 23B Novokuznetskaya Street, Moscow, Russia, 115184; olgabogda@yandex.ru